

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Воскресенье, 18-го (31-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8155.

Шипы и тернія въ жизни Чехова.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ одной изъ большихъ столичныхъ газетъ, авторъ статьи, посвященной Чехову, говоритъ, что Чеховъ былъ баловнемъ счастья, любимцемъ фортуны и что успѣхъ сопутствовалъ ему съ его первыхъ шаговъ; чуть не съ первыхъ его рассказовъ, напечатанныхъ въ петербургскихъ „Осколкахъ“, Чехова полюбили, Чехова цѣнили, на Чехова обращали вниманіе и возлагали надежды, которыя онъ впоследствии оправдалъ. Если это отнести къ десятку искреннихъ друзей Чехова, то, дѣйствительно, они и любили, и цѣнили его. Но, конечно, столичный журналистъ подразумѣваетъ успѣхъ не у десятка друзей, а въ литературныхъ кружкахъ, въ печати, въ обществѣ. И въ отношеніи къ литературнымъ кружкамъ, къ критикамъ, къ обществу это мнѣніе о Чеховѣ, какъ о баловнѣ счастья, глубоко несправедливо. Я былъ знакомъ съ покойнымъ прекраснымъ писателемъ много лѣтъ, его успѣхъ у критики и у публики росъ крайне медленно на моихъ глазахъ, его не признавали, его травили, и я былъ свидѣтелемъ того миллиона терзаній, который достался ему въ удѣлъ въ годы его литературной дѣятельности. Успѣхъ Чехова ничѣмъ не напоминалъ литературнаго успѣха, который за послѣдніе годы вѣнчаетъ головы нѣкоторыхъ писателей, являясь такъ же быстро, какъ быстро вскакиваютъ на болотахъ водяные пузыри. Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что успѣхъ Чехова будетъ болѣе прочнымъ, что онъ не уподобится водянымъ пузырямъ, которые исчезнутъ такъ же быстро, какъ быстро они и явились надъ болотомъ. Весьма возможно. Но я не вижу причинъ, почему бы успѣху Чехова не быть проч-

нымъ, а миллиону терзаній все же не сторожить его на каждомъ шагу въ его литературномъ пути? Я не вижу причинъ, почему бы Чехову не быть баловнемъ счастья въ настоящей, дѣйствительной жизни, а не въ газетной статьѣ столичнаго журналиста?

Долго зная Чехова, я съ грустью долженъ сказать, что гораздо ближе къ истинѣ г. Меншиковъ, который не рисуетъ Чехова любимцемъ фортуны, а говоритъ, что въ его ранней смерти повинно общество, то есть, публика, критика, литературные и театральные кружки, не сумѣвшіе бережно обращаться съ хрупкимъ сердцемъ писателя, не сумѣвшіе сберечь эту драгоценную для русской литературы жизнь. Вотъ ужъ, поистинѣ, къ Чехову съ полнымъ правомъ можно отнести выводъ народной мудрости, который упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не хранимъ того, что имѣемъ, и только потерявши его, плачемъ.

Да, мы не сберегли Чехова. Но, быть можетъ, теперь шевельнется совѣсть въ тѣхъ, кто особенно его не берегъ, быть можетъ, теперь пораздумаютъ о своемъ небреженіи тѣ, которые ранѣе совсѣмъ о немъ не думали и, въ будущемъ, они начнутъ мягче, нѣжнѣе относиться не къ Чеховымъ, потому что Чеховы рождаются рѣдко, рѣдко, а хотя просто къ талантливымъ людямъ, которыхъ у насъ съ покойнѣе вѣковъ не берегутъ.

„Мы лѣнны и нелюбопытны“, сказалъ Пушкинъ.

Однажды я спросилъ у Чехова:

— У васъ много знакомыхъ? Это было въ Москвѣ; это было не тогда, когда Чеховъ только что начиналъ писать, а когда онъ уже почти кончилъ писать въ „Осколкахъ“, „Будильникъ“ и „Петербургской Газетѣ“ и много работалъ въ „Новомъ Времени“. Чеховъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ!
Я удивился; я сказалъ, что, сидя въ глуши—въ то время я только наѣзжалъ въ Москву раза три или четыре въ годъ—думалъ объ обширномъ кружкѣ московскихъ знакомыхъ Чехова, но онъ только рукою махнулъ:

— Полноте! Кому нужны мы, пишущіе люди? Кто нами интересуется?

И онъ добавилъ съ улыбкой:

— Я кончилъ московскій университетъ. Въ университетѣ я началъ работать въ журналахъ съ перваго курса; пока я учился, я успѣлъ напечатать сотни рассказовъ подъ псевдонимомъ „А. Чехонте“, который, какъ вы видите, похожъ на мою фамилію. И рѣшительно никто изъ моихъ товарищей по университету не зналъ, что „А. Чехонте“—я, никто изъ нихъ этимъ не интересовался. Знали, что я пишу гдѣ то, что то, и баста. Никому не было дѣла до моихъ писаній.

Работая въ „Новомъ Времени“, Чеховъ далъ рядъ рассказовъ поразительной яркости и красоты, часть которыхъ вошла въ его первый серьезный сборникъ—„Въ сумеркахъ“; я говорю о рассказахъ „Мечты“, „Святой ночью“, „Несчастье“ и многихъ другихъ, которые будятъ сверкать блестящими звѣздами среди лучшихъ произведеній русской литературы, если даже забудется все, позже написанное Чеховымъ. Но общество было къ Чехову совершенно равнодушно. Не больше интереса выказывало большинство и изъ пишущей братіи. Я хорошо помню, какъ поразилъ меня такой случай.

Въ Москвѣ въ то время процвѣтали два брата-издателя, основавшіе сразу нѣсколько журналовъ, въ томъ числѣ чуть ли не два дѣтскихъ. Дѣла у нихъ первое время шли отлично, и они удивляли Москву какими-то необыкновенными вывѣ-

дами и необычайными, невиданным и въ Москвѣ, жилетами. Раньше издательской дѣятельности они много работали въ прессѣ, а старшій изъ нихъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, чуть-ли не столпомъ, одной солидной московской газеты и выпустилъ нѣсколько книгъ.

Я писалъ кое-что у братьевъ-издателей и иногда закахивалъ къ нимъ въ редакцію за гонораромъ.

— Давно видѣлись съ Чеховымъ?—спросилъ меня какъ-то старшій изъ братьевъ.

— Дня два назадъ.

— Что онъ подѣлываетъ?

— Пишетъ рассказъ для „Новаго Времени“.

„Братъ-издатель“ (Чеховъ то-же кое-что работалъ у нихъ) пожалъ плечами и сказалъ съ гримасой:

— Да, Суворину нравятся его рассказы: онъ охотно печатаетъ ихъ!

Я положительно растерялся отъ неожиданности и изумленія: Чехова печатаютъ не потому, что рассказы его хороши, а потому, что они нравятся Суворину. Я готовъ былъ закричать, я готовъ былъ выбранить этого франта въ парижскомъ жилетѣ. А между тѣмъ, когда Чеховъ собралъ свои лучшие рассказы и выпустилъ сборникъ „Въ сумеркахъ“, критика отнеслась къ нему немногимъ лучше московскаго франта. Какъ въ его первыхъ „Пестрыхъ рассказахъ“ видѣли только смѣшные анекдоты, не отмѣчая выдающейся оригинальности темъ, не отмѣчая изумительнаго знанія быта, не отмѣчая необычайнаго таланта автора, благодаря которому передъ читателемъ проходили сотни живыхъ ни одною чертой не похожихъ другъ на друга героевъ и героинь, такъ и въ новыхъ рассказахъ изъ сборника „Въ сумеркахъ“ видѣли тѣ же анекдоты, только на этотъ разъ не смѣшные. Чехову ставили въ упрекъ „незакончен-

ность“ его рассказовъ, не въ смыслѣ отдѣлки слога и т. п.—отдѣланы-то его рассказы были превосходно—а въ томъ смыслѣ, что онъ зачастую кончаетъ *ничѣмъ*, то есть разрабатываетъ тему такъ, какъ ему хочется, а не такъ, какъ этого бы хотѣлось его критикамъ. Этотъ странный и очень намозолившій глаза въ то время упрекъ, помнится, вызвалъ остроумное замѣчаніе В. П. Буренина, который отмѣтилъ, что, дѣйствительно, Чеховъ пишетъ свои рассказы безъ „хвостиковъ“ и, чтобы угодить господамъ критикамъ, долженъ эту манеру оставить; чѣмъ, на примѣръ, кончается, его рассказъ „Агафья“? Кончается онъ тѣмъ, что провинившаяся жена идетъ къ неподвижно стоящему мужу. Плохой конецъ! Плохой рассказъ! А вотъ, если бы Чеховъ чуть-чуть продолжилъ его и закончилъ бы его потасовкой, которую задаетъ Агафѣ мужъ, господа критики, по всей вѣроятности, были бы довольны и возвели бы его рассказъ въ перлъ созданія!

Кажется, приблизительно, черезъ годъ послѣ выпуска книги, академія наградила сборникъ „Въ сумеркахъ“ пушкинской преміей, что принесло Чехову извѣстное удовлетвореніе, но за это время прекрасная книга доставила Чехову гораздо болѣе огорченій, чѣмъ радостей. Столпы либеральной критики объявили его „безпринципнымъ писателемъ“; Михайловскій прислалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что у Чехова есть будущее, что онъ долженъ начинать работу въ толстыхъ журналахъ и какъ можно скорѣе прекратить работу у Суворина, бросивъ „Новое Время“, а когда Чеховъ написалъ Михайловскому, что не видитъ для этого резонновъ, Михайловскій кратко отвѣтилъ ему, что онъ, Чеховъ, „служитъ злу“. Такимъ образомъ, выходило, что писать дрянные рассказы, хотя-бы въ покойномъ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“—значило служить добру,

а печатать прекрасные рассказы въ „Новомъ Времени“—значило служить злу. Статья Л. Оболенскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“ о Короленко и Чеховѣ, въ которой г. Оболенскій ставилъ Чехова значительно выше Короленко (а кто же усумнится въ этомъ въ наши дни?) казалась чуть-ли не потрясеніемъ всѣхъ либеральныхъ основъ, чуть-ли не святотатствомъ. Даже самъ Чеховъ, не избалованный печатными похвалами, какъ-то конфузился и объяснялъ похвалы Оболенскаго тѣмъ, что Оболенскій ярый „толстовецъ“ (Л. Н. Толстой, кажется, напечаталъ тогда кое-что у Оболенскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“); и какъ разъ передъ появленіемъ статьи Чеховъ напечаталъ два-три рассказа съ „толстовской“ окраской, Короленко-же писалъ что-то противъ „толстовства“. Самъ Чеховъ подыскивалъ объясненія для такихъ вещей, которыя были ясны, какъ день.

Наконецъ, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ появилась первая крупная вещь Чехова, прекрасная „Степь“.

„Степь“ признали малоудачной.

— Растянуто, скучно!—говорили въ литературныхъ кружкахъ.—Нѣтъ, очевидно, писать крупныя вещи не дѣло Чехова: его хватаетъ только на маленькіе рассказы.

Какъ то совершенно неожиданно оказалось, что маленькіе рассказы Чехова—это сама прелесть, а вотъ „Степь“—это слабая вещь. А между тѣмъ, въ эту пору, по всей вѣроятности, Чеховъ предпочелъ бы, чтобы болѣе строго отнеслись къ его маленькимъ рассказамъ и менѣе строго критиковали крупную „Степь“.

Одинъ изъ петербургскихъ поэтовъ, бесплетристовъ и критиковъ въ какой-то газетѣ озлоблено заявилъ, что, выступая послѣ Гоголя съ описаніемъ степи, Чеховъ обнаруживаетъ очень большую долю нахальства. Болѣе скромные заявляли:

— Нѣтъ, мы не этого ждали отъ Чехова!

Одинъ старый литераторъ при мнѣ сказалъ Чехову:

— Знаете, что я вамъ посоветую, Антонъ Павловичъ?

— Что?

— Не пишите вы никогда больше крупныхъ вещей!

И опять тѣ же старые разговоры о „безпринципности“ Чехова.

И, я помню, въ это время онъ говорилъ хмуро, съ горечью въ сердцѣ:

— Отъ меня непременно требуютъ тенденціозныхъ вещей. А вѣдь, болѣе или менѣе вѣчно лишь то, что художественно...

.

Друзья изъ артистическаго міра угоризировали Чехова писать піесу; онъ сѣлъ за работу, повѣсилъ на дверь аншлагъ „очень занятъ“, просидѣлъ недѣли двѣ или три и написалъ „Иванова“. А написавши, кажется, передѣлывалъ его нѣсколько разъ.

Когда „Ивановъ“ увидѣлъ свѣтъ рампы, меня не было въ Москвѣ; смутно помню, что поставленъ онъ былъ, кажется, въ первый разъ въ театрѣ Корша и, должно быть, прошелъ безъ успѣха, такъ какъ владѣлецъ театра, обязавшись поставить его извѣстное число разъ, обязательству своему не исполнилъ; „Ивановъ“ не принесъ автору и трети того, что долженъ-бы былъ принести. Пренепріятныя вѣсти объ „Ивановѣ“ въ ту глушь, гдѣ я тогда пребывалъ, доставила мнѣ одна бойкая московская газетка, посвятившая постановкѣ „Иванова“ и самой піесѣ что-то около двухъ столбцовъ. Что это была за статья, можно судить по началу: въ началѣ статьи одинъ изъ „хлесткихъ“ тогдашнихъ рецензентовъ сообщалъ, что, хорошо зная творческія способности Антона Чехова, онъ рѣшительно ничего отъ піесы не ждалъ, ни какихъ надеждъ на нее не возлагалъ, но

съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что дѣйствительность превзошла самыя горькія его ожиданія! И т. д. и т. д., въ такомъ-же миломъ тонѣ.

Затѣмъ „Иванова“ надумали поставить въ Александринскомъ театрѣ въ Петербургѣ, Чеховъ его совершенно переработалъ, цѣлую недѣлю писалъ варианты, вставки, поправки, сдѣлалъ новую Сашу для Савиной, измѣнилъ четвертый актъ до неузнаваемости (обо всемъ этомъ онъ сообщаетъ въ одномъ изъ писемъ къ А. Н. Плещееву, коллекція которыхъ недавно напечатана въ „Дневникѣ Театрала“) и когда „Ивановъ“ былъ сыгранъ, Чеховъ пишетъ:

„Піесъ не стану писать. Если будетъ досугъ, то сдѣлаю что нибудь „пуръ манже“, но осень и зиму буду отдавать только беллетристикѣ. Не улыбается мнѣ слава драматурга“.

Однако, Чеховъ отъ писанія піесъ не удержался и написалъ „Лѣшаго“, а затѣмъ „Чайку“. „Лѣшій“ былъ сыгранъ въ Москвѣ, „Чайка“ значительно позже въ Петербургѣ.

Прежде о „Чайкѣ“.

Кому неизвѣстенъ изумительный, феноменальный неуспѣхъ этой прекрасной піесы, такъ блестяще проваленой труппой Александринскаго театра? Кому неизвѣстно, что „любимецъ фортуны“, „баловень счастья“, Чеховъ былъ освистанъ публикой, бѣжалъ изъ театра и чуть ли не безъ фуражки и пальто до утра бродилъ по улицамъ Петербурга? Въ недавней статьѣ, посвященной Чехову, А. С. Суворинъ дополняетъ эти печальныя сценныя такими подробностями. Когда онъ вошелъ въ комнату Чехова, Чеховъ сказалъ: „назовите меня самымъ отвратительнымъ словомъ (и онъ произнесъ это слово), если я когда-нибудь напишу хоть одну піесу!“ Я цитирую эту фразу по памяти, но ручаюсь, что я не исказилъ ея смысла. Проваломъ „Чайки“ Чеховъ былъ без-

поворотнo, на нѣсколько лѣтъ, скомпрометированъ, какъ драматургъ.

— За что? почему?

Эти вопросы, по всей вѣроятности, не разъ шевелились въ его мозгу, когда онъ просматривалъ свою превосходную піесу, піесу, которую многіе считаютъ лучшей изъ всѣхъ піесъ Чехова.

И не явись „Художественный театр“ со своими тщательными, со своими вдумчивыми постановками, кто знаетъ, даль-ли-бы Чеховъ для сцены хотя одну строчку?

Теперь о „Лѣшемъ“.

Я былъ на первомъ представленіи „Лѣшаго“ въ Москвѣ, въ театрѣ Абрамовой, и долженъ сказать, что спектакль окончился проваломъ и авторъ хорошей піесы совершенно незаслуженно былъ освистанъ.

Послѣ провала „Чайки“ Чеховъ бѣжалъ изъ Петербурга.

Послѣ провала „Лѣшаго“ Чеховъ бѣжалъ изъ Москвы, его не было дома нѣсколько дней даже для близкихъ друзей. Какъ это случилось?

А вотъ какъ.

Театръ Корша просилъ у Чехова „Лѣшаго“ для постановки; но Чеховъ, очень дружившій съ покойнымъ Соловцовымъ, которому былъ посвященъ чеховскій „Медвѣдь“, отдалъ „Лѣшаго“ молодому театру Абрамовой, только что открывшемуся тогда; между театромъ Корша и театромъ Абрамовой горѣла вражда, и борьба шла не на животь, а на смерть (Абрамова и Соловцовъ передъ тѣмъ служили у Корша); это и погубило піесу.

Первый спектакль съ „Лѣшимъ“ шелъ на праздникахъ; не могу вспомнить сейчасъ, на масляницѣ или на Рождествѣ; публика была праздничная и къ драматическимъ тонкостямъ и достоинствамъ въ высокой степени равнодушная; съ лѣвой стороны двѣ или три ложи бельэтажа были заняты артистами театра

Корша и ихъ зловѣщія фізіономіи не предвѣщали рѣшительно ничего хорошаго.

Играли „Лѣшаго“ очень недурно; особенно выдѣлялись, насколько помню, извѣстная артистка Глѣбова, Абрамова, Новиковъ-Ивановъ, Соловцовъ и, если память не измѣняетъ мнѣ, Рошинъ-Инсаровъ. Первые акты понравились; автора, кажется, даже вызывали, не безъ легкиихъ протестовъ со стороны артистовъ театра Корша; но въ антрактахъ они ходили въ буфетъ, въ фойѣ, среди публики и не уставали повторять:

— Ну, Чеховъ! Написалъ піеску! Чортъ знаетъ, что за піеса!

Послѣдній актъ испортилъ Чехову дѣло. Послѣдній актъ былъ очень длиненъ, показался скучнымъ и утомилъ праздничную публику, которая, между прочимъ, была разочарована тѣмъ, что настоящаго *мишаго*, на что она расчитывала, такъ и не увидала на сценѣ. Въ концѣ концовъ, публика разошлась-бы совершенно спокойно, какъ она расходится послѣ десятка не произведшихъ на нее впечатлѣнія піесъ; но это было невыгодно артистамъ враждебнаго театра.

На вызовы артистовъ они отвѣчали отчаяннымъ шиканьемъ; когда-же нѣсколько голосовъ попробовали вызвать автора, раздался неистовый ревъ: изъ артистическихъ ложъ шипѣли, свистали въ ключи (я могу сослаться на многихъ свидѣтелей этого), чуть не мяукали. Получился грандіозный скандалъ, къ которому приложили руку всѣ недоброжелатели Чехова, всѣ завистники, безъ участія которыхъ, по всей вѣроятности, не обошелся и петербургскій провалъ „Чайки“, ибо, непонятно, чего ради стала-бы публика освистывать Чехова, если-бы даже „Чайка“ и показалась ей мало интересной? Да, за паденіемъ занавѣса надъ „Лѣшимъ“ произошелъ грандіозный скандалъ, и „баловень фортуны“ бѣжалъ

изъ Москвы. И перелистывая „Лѣшаго“, въ которомъ была масса прелестныхъ истинно чеховскихъ мѣстъ и изъ котораго возникъ „Дядя Ваня“, Чеховъ то же съ полнымъ правомъ могъ тоскливо спрашивать у судьбы:

— За что? Почему?

Я долженъ кончить и потому не могу слѣдить за дальнѣйшими злоключеніями Чехова, но, вѣдь, они на глазахъ у всѣхъ; если исключить послѣдніе годы, то неизмѣнно выходило какъ-то такъ, что предвѣщавшія вещи Чехова похваливали, а о той, которая появлялась въ данный моментъ, давали только что снисходительный отзывъ. Да нѣтъ, впрочемъ, и послѣдніе годы не приходится исключать: загляните въ статью о Чеховѣ г. Е. Ляцкого, появившуюся, какъ разъ къ двадцатипятилѣтію литературной дѣятельности писателя, въ „Вѣстникѣ Европы“ въ текущемъ году. Г. Е. Ляцкій не шадитъ Чехова; даже прелестныя чеховскія юморъ онъ называетъ грубымъ, вульгарнымъ и ужъ не помню еще какимъ. По мнѣнію г. Ляцкого, Чеховъ юмористическія вещи бросилъ писать, сознавъ, что юморъ совсѣмъ не его дѣло и что юмористическія вещи ему не удаются. А въ то время, какъ писалась статья г. Ляцкого, Чеховъ отдѣлывалъ свою лебединую піесу, свой „Вишневы садъ“ и тѣмъ юморомъ, который онъ внесъ въ нѣкоторыя его сцены, доказывалъ, что г. Ляцкій въ своихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ едва ли правъ, и что если онъ и бросалъ юморъ, то по какимъ то совсѣмъ инымъ причинамъ.

Популярности Чехова очень содѣйствовалъ „Художественный театр“, какъ и Чеховъ очень содѣйствовалъ популярности этого театра. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдніе годы Чеховъ отдохнулъ душой отъ разныхъ уколовъ и злыхъ обидъ надъ прекрасными постановками этого театра, счастливый восторгомъ публики,

которая толпою ходила на чеховскія піесы. Но и здѣсь не обойдется безъ „но“. Я хорошо знаю, что артисты, придившіе во восторгъ отъ, можетъ быть, и оригинальныхъ, но, конечно, не живыхъ, не художественныхъ сценическихъ героевъ Горькаго, отказывался отъ ролей въ „Трехъ сестрахъ“, говоря:

— Мы не знаемъ, какъ ихъ играть!

А когда Чеховъ прислалъ „Художественному театру“ свой „Вишневы садъ“, я держалъ пари съ нѣкоторыми изъ артистовъ; я говорилъ, что піеса пройдетъ съ большимъ успѣхомъ. Они же утверждали, что слабѣй „Вишневаго сада“ Чеховъ ничего не писалъ, что въ „Вишневомъ садѣ“ играть рѣшительно нечего и что *піеса у публики не будетъ имѣть никакого успѣха*.

Я выигралъ пари. Но не характеризуетъ-ли это отношеніе артистовъ „чеховскаго“ театра вообще отношенія къ Чехову?

Да, вспоминая путь, пройденный Чеховымъ, можно сказать только одно: если Чеховъ и былъ „любимцемъ фортуны“, то лишь въ послѣдніе годы. Да и здѣсь не обойдешься безъ нѣсколькихъ „но“... Не въ этомъ-ли лежитъ причина того, что Чеховъ протиснулъ съ прекраснымъ юморомъ своей юности и что герои его мечтаютъ о прекрасной жизни черезъ 200—300 лѣтъ? И какъ грустно думать, что, когда Чеховъ сдѣлался „любимцемъ фортуны“, болѣзнь уже держала его въ своихъ цѣпкихъ рукахъ и гибель его дѣлалась неотвратимой, неизбѣжной.

Тысячу разъ правъ г. Меньшиковъ: мы не берегли Чехова...

А. Грузинскій.